

*Если каждая пятница моя
будет и впредь такой, как сегодняшняя, –
я удавлюсь в один из четвергов!..*

Венедикт Ерофеев

*Когда приходит время, дух сам знает.
Даосская мудрость*

По частям

Июль выдался очень жарким. Депутат Зиновьев принимал душ четырежды в день – не помогало. Вообще ничего не помогало: раскалённый воздух не двигался, по ночам одеяло прилипало к телу, как скотч, у Нади, жены депутата, растаяла помада в сумочке. А сегодня ещё и кондиционер в приёмной сломался.

– Ташкент какой-то, – в сердцах сказал депутат и тут же сам себя пожурил за некорректное высказывание, пусть его никто и не услышал.

Ночью опять был кошмар.

Кошмары Зиновьеву снились изобретательные: на прошлой неделе привиделось, что его убили и, расчленив тело на равные части, упаковали каждую в продолговатый пакет. Эти пакеты ползли теперь по какому-то сложному конвейеру, и депутат присутствовал душой лишь в одном из них. Во сне пытался понять, какой именно пакет сохранил способность мыслить и ощущать себя личностью – где на этом конвейере находится та часть, которая за это отвечает, вот прямо сейчас об этом думает?

Проснулся весь в поту, как в луже крови.

Сегодняшний сон начинался вполне благостно: Зиновьев ехал в поезде, сидел у окна, и вдруг, как в фильме, за окном стали вырастать приметы какого-то любимого города, похожего на Вентспилс, куда мама привозила маленького Зиновьева однажды летом. Хотя там железной дороги как раз таки не было, они с мамой добирались автобусом из Риги. Но во сне за окном поезда вырастал именно Вентспилс – Зиновьев узнавал опрятные домики, рыночную площадь, морской порт с десятком жирафьих шей грузовых кранов и понимал, что ему прямо сейчас нужно выйти из поезда, потому что здесь, в Вентспилсе, его кто-то ждёт. Может быть, мама, с которой они уже несколько лет не виделись?

Зиновьев мчался к выходу из вагона, а поезд летел мимо Вентспилса, хотя картина за окном не менялась: домики, рыночная площадь, краны по кругу сменяли друг друга.

В сонном поезде, кроме него, не было ни единой души, там не было дверей, да и стоп-крана не имелось. Зиновьев уже примерился было выскочить в окно, но домики, краны, весы в виде тыкв на рыночной площади вдруг начали красиво взрываться – точно как в компьютерной игре. Вентспилс исчез в дыму, а депутат проснулся, тяжело дыша и даже вроде бы крикнув.

Сонная Надя спросила:

– Снова кошмар? Рассказывай.

Зиновьев начал пересказывать напугавшую его историю – она звучала на редкость глупо.

– Любые сны о поездах – это сны о смерти, – зевнула Надя. – Тебе пока удалось её избежать. Я думаю, всё будет хорошо. Спи давай.

Уснуть не получалось – было уж слишком жарко. Кондиционер в спальне Зиновьевы на ночь выключали,

потому что у Нади открывался аллергический насморк. Депутат перешёл вместе с мокрой от пота подушкой в гостиную и до рассвета читал новости в Сети. В семь утра его всё-таки прибило ко сну, и домработница Флюра, ступив в гостиную с пылесосом, крепко перепугалась – депутат лежал на диване в трусах и громко храпел, а перед ним, как бесы, мельтешили на мониторе ноутбука нескончаемые новости.

К девяти утра, после полулитра кофе, Зиновьев отчасти пришёл в себя (опять вспомнился сон про конвейер). Водитель Юра ждал его в холодной, как только что из погреба, машине.

– На улице прям сауна, – сказал водитель, добавляя кондиционеру мощности.

Обычно Зиновьев с удовольствием болтал с Юрой, но сегодня ему едва хватило сил, чтобы кивнуть. Он был трезвомыслящий человек: в мистику не верил, но те ночные слова Нади, сказанные как бы случайно, ранили в нём глубоко скрытое.

Депутат пока что не хотел умирать.

А вот Наде снились совсем другие сны – каждому по заслугам, усмехнулся Зиновьев, с вялым интересом разглядывая двух полуголых девушек, переходящих улицу. Мода в этом году была и так-то беспощадная – красотки разгуливали по городу чуть не в нижнем белье, а жара всё это только усугубляла. Без лифчиков обе, отметил депутат. Та, что повыше, – в обрезанных шортиках, так бы руку и запустил...

Итак, Наде снились не кошмары, а комедии: то она готовит фаршированные перцы для Путина, то вдруг получает отказ в американском посольстве с формулировкой: «Вы не можете въехать, потому что представляете собой пролетарскую угрозу». Даже эротические сны у жены были с юморком:

– Я работаю в театре, играю в детском спектакле Мальвину и сплю за эту роль с режиссёром, а он играет Буратино. И я говорю ему: «Буратино, не суйте нос в чернильницу!»

Надя была не актрисой, а психологом по второму диплому и филологом – по первому. Отличница по жизни, верный друг и самая любимая, какие бы там шорты ни вклинивались, женщина. Заботливая мама Никиты, теперь уже одиннадцатиклассника.

Зиновьев всегда помнил о том, как ему повезло.

Водитель устал молчать и на очередном светофоре спросил:

– Как себя чувствуете, Олег Сергеевич?

– Да так как-то, – честно сказал депутат. – Убавили бы нам градусов двадцать, было бы самое то.

– Ну так скоро вроде похолодает. Я что сказать хотел, Олег Сергеевич... У моего Васьки одноклассник, там серьёзная проблема с матерью.

Водитель кашлянул, не решаясь продолжить.

– Что за проблема, Юра?

– Ну это, сидит она вроде. И пацан остался совсем один. Из квартиры его выкинули.

Васька, сын водителя, был на год младше Никиты. Хороший, правильный парень, в хоккей играет и учится для спортсмена вполне прилично.

– Я знаю, Олег Сергеевич, как вы не любите, когда не в общем порядке... Но тут такое дело. Пацан этот, Сева, он сейчас у нас живёт. Податься ему реально некуда.

– А что ты раньше молчал? Они по нашему округу?

– По нашему, да.

– Ну пусть этот Сева запишется ко мне на приём в установленном порядке всё-таки.

Водитель тяжело вздохнул, а Зиновьев вдруг вспомнил сегодняшний сон, когда взрывались милые сердцу домики, и сказал:

– Ладно, звони парню, пусть сегодня подъезжает. Попрошу Настю найти полчаса. Но сегодня пятница, короткий день!

– Спасибо, Олег Сергеевич!

– Да погоди со спасибоми. За что мать сидит?

– Он вам сам всё расскажет. Спасибо, Олег Сергеевич, ещё раз!

От машины до приёмной было идти две минуты, но Зиновьеву этого хватило, чтобы снова вспотеть.

Неверующий католик

В приёмной уже толпились люди – и даже после самого беглого взгляда на каждого становилось понятно, что пришли они сюда не от хорошей жизни. За два года депутатства Зиновьев научился чуть ли не с ходу определять проблему, которую ему сейчас озвучат, – вон та женщина с поджатыми губами будет жаловаться на обманувшего застройщика, старуха в вязаном чепчике попросит за внука-наркомана, а мужик в спортивном костюме скажет, что согласен на любую работу, потому что он в кредитах с головы до ног. Избиратели! Вверенный ему народ.

– Настя, почему в приёмной кондишка не работает? – спросил Зиновьев помощницу.

– Я уже мастера вызвала, – сказала Настя. – После обеда приедет.

– А раньше никак?

Сам себя ругнул: если бы получилось раньше, мастер давно был бы здесь. Настя – идеальный помощник, надёжное, пусть и худенькое плечо. За всё время работы на Зиновьева – ещё с предвыборной гонки – она лишь раз отпросилась у него на час в рабочее время: чтобы развестись.

– Я и не знал, что ты замужем! – поразился депутат.

– А я не замужем. Моя сестра расходится с мужем, для неё это очень болезненно, поэтому меня попросила. Мы с ней идентичные близнецы, ещё в школе друг за друга контрольные писали. Нас только мама различает, и то не всегда.

Зиновьев поморщился, потому что Настя – с его ведома! – собиралась нарушить закон, но вовремя придавил в себе ханжу. Всего через час после развода помощница снова была на месте – в таком же ровном настроении, как утром, разве что по клавиатуре колотила несколько более яростно.

Депутат не был идеалистом, но подлецом и трусом он тоже не был – давно разочаровавшись во всех и вся, он использовал своё нынешнее положение не только в целях личного обогащения, как это делают остальные. По мере сил и возможностей Зиновьев всё-таки пытался помогать своим избирателям, хотя и понимал, что в половине случаев эта помощь не обернётся ничем хорошим.

А в другой половине – обернётся ничем.

Застройщик, обманувший женщину с поджатыми губами, недостижим по причинам, подробно перечисленным в договоре мелким шрифтом. Внук-наркоман умрёт ещё до зимы. А мужчина, согласный на «любую работу», будет копать в предложенных ему вариантах, брезгливо отказываясь от каждого.

И всё-таки Зиновьев продолжал свою «мышиную деятельность» – так называл её один коллега по Госдуме. Иногда что-то сделать всё же получалось, люди потом благодарили Зиновьева, хотя делал он это не потому, что ждал от них благодарности.

А почему – и сам объяснить не мог.

Верил бы ещё в Бога, было б понятно. Но у него от всей веры был приснопамятный лопух, который на могилке вырастет, – у кого-то из русских классиков это было, про лопух. Надо спросить Надю, у кого именно.

Если заходил вдруг разговор о Боге, Зиновьев всегда отшучивался: я, дескать, неверующий католик.

Католичество – с внешней, обрядовой стороны – привлекательно. Прохладный мрак соборов, монашеское пение, таинственный целибат... А ещё в последние годы Зиновьеву стал нравиться ислам – но, опять же, чисто внешне. В мечетях ему становилось хорошо, спокойно как-то и свободно. Нравилось, что никто на тебя не смотрит, что каждый сам с собой и с Богом. Родное православие раздражало как раз таки несвободой: пресловутая соборность, совместная молитва, общая свеча – всё это отдавало каким-то общежитием. А депутат с детских лет был одиночкой.

В кабинет вошла Настя:

– Олег Сергеевич, я записала к вам на три молодого человека. По просьбе Юры. И он уже пришёл, на полчаса раньше, а у нас как раз пусто пока. Запустить?

Зиновьев успел позабыть про утренний разговор, но тут же вспомнил: Сева, мать сидит, парня выкинули из квартиры. Махнул Насте – пусть заходит.

Сева оказался высоким, беленьким, с уже опалённым бедой взглядом. Но смотрел он на Зиновьева без всякого заискивания и сразу этим понравился.

Всех мальчиков такого возраста (Сева сказал, ему шестнадцать) депутат всегда сравнивал с сыном – и обычно сравнение было в пользу Никиты. Зиновьев гордился хорошей учёбой сына, радовался, что у него нет вредных привычек или каких-нибудь татуировок, которые депутат по старой памяти звал «портачками». Никита много читал, смотрел какие-то заумные фильмы, играл в компьютер, как все они сейчас, – но без перегибов. Спортом, к сожалению, пренебрегал, и друг у него был единственный. Денис. Он Зиновьеву не нравился. Тощий, с пегой бородкой («Неужели вам в школе разрешают ходить в

таким виде?» – спросила жена, и Никита потом довольно резко попросил Надю больше не задавать его друзьям таких вопросов), на руках портачки: «Денис» – на правой и ещё один «Денис» – на левой, волосы покрашены в цвет бриллиантовой зелени. Никита перед этим Денисом благоговел, а тот относился к депутатскому сыну снисходительно, как бы даже предлагал Зиновьеву-старшему вместе посмеяться над наивностью младшего. Дескать, мы-то с вами взрослые люди, а этот – дитя малое, неразумное! Депутата это раздражало, но он терпел, потому что Надя давно ему объяснила, как важно сегодня для подростка быть социализированным. Лучше такой друг, чем совсем никакого.

А этот Сева выглядел взрослее не только Никиты, но и Дениса: беда старит вернее бороды и татуировок. Держался спокойно, но пальцы всё-таки дрожали: Зиновьев увидел это, когда мальчик взял из рук Насти чашку с чаем. Взял, поставил на стол, поблагодарил, но пить не стал – слишком волновался.

– Ну, рассказывай, – сказал Зиновьев.

Любовь к природе

В 2015 году под Екатеринбургом, вблизи монастыря на Ганиной Яме, где, как считают православные клирики, были сожжены тела Романовых, совершались человеческие жертвоприношения. Зиновьев слышал об этом из телящика, даже вспомнил, что по делу проходили двое преступников: собственно убийца, резавший горло жертвам во имя какой-то языческой богини, и его подельница, приличная русская женщина. Убийца – некий Аслан Байраков из Дагестана. Подельницу звали Мария Иванова, она и была Севиной матерью. Суд вкатил ей двенадцать лет.

– Но мама не виновата, – сказал Сева, глядя в глаза Зиновьеву. – Она очень хорошая. Природу любит, деревья, травы...

Вот с этих самых трав, всё, собственно, и началось. Мария давно развелась с мужем, одна воспитывала двоих сыновей. Верила в целебные свойства природы, интересовалась учением друидов, умела врачевать при помощи трав.

– Сколько маме лет? – спросил Зиновьев и поёжился, когда услышал год рождения Ивановой. Она была ровесницей Нади.

С высшим образованием женщина.

Как мама познакомилась с Асланом Байраковым, Сева точно не знал. Но этот неразговорчивый дагестанец жил даже одно время у них дома. Вместе с мамой ездил в лес под Среднеуральском, учил гадать по рунам, познакомился с её подругами.

– Мне он никогда не нравился, – сказал Сева. – Я его даже боялся.

Сам Сева тогда занимался в футбольной секции, очень хорошо играл. Его даже хотели в молодёжную сборную взять, но не срослось.

Когда выяснилось, чем на самом деле занимался Байраков, Сева находился в Москве, в спортивном интернате. А мама, ещё до того как прийти в полицию с заявлением, переписала свою квартиру, машину и прочее имущество на старшего сына, родного брата Севы. Боялась, что отнимут, оштрафуют по суду.

– Ну и вот, когда их посадили, а меня прокатили со сборной, – продолжал Сева, – я вернулся в Екатеринбург. Приехал домой, а брат меня выгнал. «Ты мне кто такой? Я тебя знать не знаю». И о матери даже говорить не захотел: у меня, сказал, теперь другая жизнь. Я сначала у одного друга пожил, но потом его родителям надоело, и я к Ваське перебрался.

– Можно ведь оспорить решение брата, – сказал Зиновьев. – Через суд.

– В суд я не верю. И в детдом не хочу.

– А если в приемную семью?

– Мне у дяди Юры хорошо, – заторопился Сева. – Я им помогаю и дома, и в саду... Они не выгоняют. Но мне работа нужна, хотя бы самая низкооплачиваемая. Маме надо помогать, передачи возить. Дядь Юра сказал, вы очень влиятельный...

– Ну если дядь Юра сказал, – попытался пошутить Зиновьев, но Сева не улыбнулся. Он вообще, похоже, не умел улыбаться.

– Ладно, – сказал депутат. – Давай так. Я подумаю, что можно сделать, ты в начале следующей недели мне позвони вот по этому номеру.

Дал мальчишке визитку с одним из своих личных телефонов и, как только тот вышел из кабинета, набрал знакомому прокурору:

– Борька, напомни-ка мне процедуру, как уголовное дело запросить? Байраков, Иванова, две тысячи пятнадцатый – шестнадцатый. Сделаешь? Ну вообще! Должен буду.

После Севы на приёме были ещё четверо, потом Зиновьев поехал вместе со знакомым попом в Арамиль, на стройку нового храма, затем надо было разбираться ещё с какими-то срочными делами, скопившимися с понедельника, – в общем, домой он явился уже после полуночи. К этому часу жара отступила, воздух двигался, где-то вдали жужжали летние мотоциклисты – и Зиновьев вдруг понял, что не хочет идти домой, в раскалившуюся до перекрытий квартиру, навстречу новым кошмарам.

И ещё он понял, что думает о том, как помочь Севе найти работу и хорошую приёмную семью.

Бессонница

Уснул Зиновьев быстро, но в три ночи дёрнулся – не от кошмара, а как будто его толкнули. Или позвали. С завистью глянув на крепко спящую жену, депутат, точно как вчера, прихватил подушку и пошёл в гостиную, где всё-таки было чем дышать. На угловом диване спал кот: появлению хозяина он не обрадовался – да он и вообще мало чему радовался. Надя считала, что у кота клиническая депрессия. Он спрыгнул на пол, ушёл в кухню, недовольно дёргая хвостом, а Зиновьев улёгся на диван, ощущая поясницей нагретое котом местечко.

Когда же она схлынет, эта жара? В городе переносить её было физически невозможно, а уехать к морю этим летом Зиновьевы не могли из-за Никиты: сын только что сдал экзамены, отправил документы в несколько вузов и каждый день проверял, не вывесили ли списки на зачисление. А ждать результатов на море Никита почему-то не хотел. Дачи у депутата не было, ещё и в этом они с женой совпадали – никогда их не тянуло к природе и травам, в отличие от друидки Марии Ивановой... «Мы – городские животные», – говорила Надя.

Часам к пяти Зиновьев понял, что уснуть не сможет. Покормил кота, не проявившего даже намёка на благодарность за трапезу в неурочный час. Сварил себе кофе. И залез в «Фейсбук», где роилось около сотни его друзей: таких же бессонных душ, измученных жарой. Зелёные точки у каждого имени напомнили немолодому депутату сигналы свободных такси. Одним из таких «такси» был тот самый Борька из прокуратуры.

Зиновьев написал ему первым:

«Не спится?»

«Да у меня весь режим поехал от этой жары! Кстати, Олега, я ведь тебе нашёл то дело. В понедельник завезут

копию. А пока приговор отсканировал, там общие сведения. Сейчас перекину в почту, лови».

В ящик упало письмо с прикрепленным файлом.

«Приговор именем Российской Федерации от 2 марта 2017 года... В-ский суд в составе... рассмотрев в открытом судебном заседании уголовное дело в отношении Ивановой Марии Васильевны, родившейся 2 августа 1972 года в г. Свердловске, гражданки РФ, разведенной, имеющей несовершеннолетнего ребёнка, имеющей высшее образование, не работающей, зарегистрированной и проживающей по адресу... содержащейся под стражей в порядке ст. 91 УПК РФ... обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33 УПК РФ... установил:

Иванова виновна в пособничестве Байракову в убийствах им Ганеева Д. Ф., Борина С. Н., Дускаева Д. М., Санникова П. П.»

Далее на тридцати листах шёл подробный рассказ о тех самых обстоятельствах, при которых друидка Иванова и язычник Байраков приносили людей в жертву тёмным богам. Чем дальше читал депутат, тем выше поднимались его брови – достигнув линии волос, когда двигаться больше было некуда, они опускались на своё обычное место, но чуть ли не сразу же возобновляли подъём. Даже лоб заболел.

Последнее уголовное дело, которое доводилось просматривать Зиновьеву, было заведено лет двадцать назад, и за это время стиль изложения подобных документов изрядно поменялся. Даже ему, который ни разу не филолог, показалось странным, что в тексте приговора используется домашнее слово «покушать», и ещё взгляд вдруг выцепил из монолита мелких букв отдельную фразу – «День недели была пятница».

На этих словах – про пятницу – Зиновьев всё-таки отрубился, хотя за окном давным-давно рассвело. Там крича-

ли птицы, а депрессивный кот орал ему прямо в ухо что-то явно оскорбительное.

Депутат крепко спал с айфоном на груди и в очках на носу – Надя нашла его в гостиной в девять утра и, пожалев, решила не будить. И зря она так сделала, потому что Зиновьев провалился в новый кошмар, где ему перерезали горло и выпустили по капле всю кровь.

Эпоха победившего мракобесия

– Мы живём в эпоху победившего мракобесия, – сказала Надя. – Вот нужно ли было совершать все эти технические открытия, низвергать богов, провозглашать человека венцом природы, чтобы свалиться потом в яму примитивных верований?

Надя слегка подвыпила и стала, как всегда в таких случаях, особенно красноречива. Депутат с гордостью поглядывал на жену и с чувством лёгкого превосходства – на старого друга Серёгу Камаева, пригласившего их на выходные в Коптяки. Надя была не так молода и красива, как третья жена Серёги – большеротая блондинка на длинных тонких ножках, зато поговорить с ней было всегда интересно, а лягушечка умела разве что кстати хихикнуть.

– Даш, неси кальян, – сказал жене Серёга и, когда блондинка послушно умчалась в дом, налил гостям ещё по бокалу ледяного «розе». По напряжённому лицу Камаева было видно, как он пытается сложить в уме Надю с лягушечкой – гадает, встречаются ли в реальной жизни такие женщины.

– Хорошо тут у вас, я прямо всей душой отдыхаю, – Зиновьев решил сменить тему разговора, вызванного, кстати, простодушными словами блондинки о том, что, дескать, ни в коем случае нельзя выбрасывать в помойное ведро случайно выпавшие волосы.

– А что с ними делать? – оторопела Надя.

Оказывается, волосы надо складывать в специальный пакет, а потом сжигать его непременно с молитвой. Иначе колдуны похитят и наложат такую порчу, что мама дорогая!

Тут-то и зашёл разговор о суевериях и мракобесии, причём блондинка Даша не поняла, что спровоцировала его как раз-таки её волосяная стратегия. Даша вообще ни слова не понимала из того, что говорили гости, особенно взрослая женщина-психолог, и на всякий случай обворожительно улыбалась всем без разбору.

В Коптяках было вправду хорошо и дышалось легче, нежели в городе. Серёга принимал Зиновьевых в доме для гостей, поставленном напротив главного здания, – это было настоящее мужское логово, где нашлось место и бильярду, и кожаному дивану, и караоке, и камину, и оленьим чучельным головам, печально заглядывающим гостям в тарелки.

Серёга политикой не баловался, он ещё с девяностых усердно топтал себе дорогу к безбедному будущему. Вначале, как многие, состоял в ОПС, но открестился от бывших товарищей едва ли не быстрее, чем из моды вышли багряные пиджаки и манера носить ключи от «мерседесов» на указательном пальце. Взял по случаю пару заводиков, потом прикупил еще пяток, удачно вложился в недвижимость... Уродливый торговый центр, мимо которого Зиновьев каждый день ездил на работу, принадлежал как раз таки Серёге.

Вернулась Даша с кальяном, ещё она успела намазать чем-то губы – и они теперь блестели как-то, на взгляд депутата, опасно. Казалось, к ним непременно что-то приклеится. Или кто-то. Хороша была Даша!

– Ну а ты прямо совсем-совсем ни во что такое не веришь? – спросил Серёга умную Надю.

– Я вот на исповедь хожу и к причастию, – ввернула блондинка, и у депутата что-то дёрнулось внутри от умиления.

– Это Олег у нас не верит ни в бога, ни в чёрта, – сказала Надя. – А я иногда хожу в церковь. Ну и некоторые приметы соблюдаю: присесть на дорожку, на себе не показывать, плевать через левое плечо.

– Ага, – возликовал Серёга, припадая к кальяну, как к материнской груди, – то есть ты тоже получаешься мракобес?

Даша громко засмеялась.

– Получаюсь, – кивнула Надя. – Но это, скорее, попытка задобрить удачу. Совсем без всякой поддержки жить всё-таки трудно. А верю я в то, что каждый из нас был частью двух разных звёзд и после смерти тоже станет звездой. И, кстати, самое интересное не то, что с нами будет после смерти, а то, что было до рождения!

– Это ваша религия? – с сомнением спросила Даша, окутанная облачком ароматного дыма.

– Это наука, – улыбнулась Надя.

– Слушай, Серёг, – вспомнил Зиновьев, – а ты в курсе, что у вас тут пять лет назад людей в жертву приносили?

Серёга напрягся:

– Где это – у нас?

– Ну, рядом с Коптяками. Около Ганиной Ямы.

– В монастыре? – ахнула блондинка.

– А, я вспомнил, – кивнул Серёга. – Язычник. Он вроде хотел из трупов сделать войско. Как-то оживить их, что ли. Или это уже потом придумали?

– Господи помилуй, – сказала Даша. – Серёженька, малыш, смотри, там вроде бы Дима приехал.

Зиновьева слегка покорило и обращение к другу – на «малыша» центнеровый Серёга не тянул, – и то, что интересный ему разговор прервался. Но всё же было любо-

пытно посмотреть на Диму – Серёгиного сына от второго брака. Ровесник Никиты, он уже лихо водил автомобиль и, как уверял отец, собирался идти в армию, если не поступит на бюджет. Понятно, что Серёга был в состоянии оплатить Диме любой институт, и непонятно, как парень мог от этого отказываться. Зиновьев почувствовал, что завидует: в сравнении с рыхлым Никитой, чахнувшим в дальней беседке с планшетом, Дима выглядел мечтой всех родителей. Поджарый, спортивный, уверенный в себе, но при этом не наглый. Надя, судя по кривой улыбке, подумала о том же самом, и депутата кольнула жалость к ней и к себе, пока что не сумевшим вырастить из сына мужчину.

Даша, по возрасту бывшая ближе к Диме, чем к его отцу, держалась с «пасынком» запросто, а мальчик, это видно было, отражал только отца. Боготворил его. Искал взглядом поддержки, одобрения, а находил, что удивительно, одно лишь неясное раздражение.

Вот это Зиновьеву было совершенно непонятно. Общий разговор утих, хозяйева и гости мрачно смотрели кто на запёкшийся клевер в траве, кто на сероватые тучки в синем небе – оно напоминало скатерть, о которую кто-то вытер грязные руки.

– Когда уже схлынет эта жара? – сказала Надя, мастер по заполнению пауз в разговоре.

– Сами потом будете жаловаться, что никакого лета не было, – отозвался Серёга.

– Я тоже считаю, что летом должно быть жарко, – хлопнула ресничками Даша. – Дима, ты позови мальчика из беседки, сейчас мороженое есть будем.

Диме явно не хотелось идти за Никитой, но, поймав взгляд отца, он тут же встал с места. Когда сын вместе с Димой вошёл в дом, Зиновьева снова кольнуло завистью – бледный полноватый Никита проигрывал Се-

рёгинуму сыну по всем статьям. Мальчики сели в разных концах стола, причём Никита втиснулся между отцом и матерью.

Зиновьеву хотелось продолжить разговор о Байракове, но не в присутствии сына, тот был уж слишком впечатлительным.

После мороженого разговор окончательно расклеился. Даша прижималась к Серёге, поглаживая его то по щеке, то по ноге. Камаев принимал её ласки благосклонно, Дима отводил глаза. Он даже пересел поближе к Никите, удостоил его каким-то вопросом, и мальчик ответил с такой страстной благодарностью, что у Зиновьева защемило сердце.

На обратном пути из Коптяков решили сделать остановку в монастыре на Ганиной Яме – об этом попросила Надя.

– Мне квас у них нравится, – сказала она. – И надо поставить свечи Сергию Радонежскому, он в учёбе помогает.

Уйти в монастырь

Вечерняя служба закончилась, почти все туристы разъехались, и на парковке у монастыря скучала лишь пара машин. Надя купила две бутылки монастырского кваса в трапезной, бросила их на заднее сиденье, а потом вдруг сказала:

– Пошли-ка, Олежка, в храм. Мне кажется, тебе это нужно.

Никита оторвался от планшета:

– Я вас здесь подожду.

– Ты тоже пойдёшь, тебе тоже нужно, – спокойным, но непрекаемым тоном произнесла мать. И Зиновьев, и Никита прекрасно знали, что если Надя говорит таким голосом, то безопаснее всего послушаться. Молча выбра-

лись из машины. Никита бурчал:

– А тебе не кажется странным, мать, что мы ходим в церковь, только когда нам что-то нужно от Бога?

– Это неправда, – всё тем же ровным голосом произнесла Надя. – И я сто раз просила: не называй меня «мать»! Я предпочитаю «маму».

– Хорошо, мать! Ой, прости!

У входа в монастырь Надя быстро перекрестилась – как будто отогнала комара, потом выкопала в специальной коробке юбку на завязках бордового цвета и платок в чёрных цветах. Повязала голову «по-колхозному», намотала юбку поверх джинсов и превратилась из хорошенькой женщины средних лет в унылую пожилую паломницу.

– Тётя Мотя, – сказал Никита, с любовью глядя на мать. – Я буду делать вид, что с тобой незнаком.

– Да пожалуйста, – улыбнулась Надя. – Пошли сначала купим свечи.

Зиновьев за свечами не пошёл, остался ждать на дорожке между соснами. Он, конечно, бывал на Ганиной Яме и раньше – помнил, и как приезжал сюда патриарх в августе 2000 года, и как горели здесь впоследствии деревянные храмы: несколько раз в новостях сообщали о пожарах. Депутат сопровождал в монастырь высоких гостей – одна москвичка из министерства образования оказалась истово верующей, обошла все церкви (их здесь семь, по числу членов царской семьи), накупила икон, а потом вдруг попросила отвезти её ещё и в Поросёнков Лог, на мемориал.

С этим мемориалом всегда путаница, даже местные не очень понимают, как относятся друг к другу два этих места – такие близкие географически и такие далёкие по своей сущности. Церковь не верит, что в Поросёнковом Логу нашли тела тех самых Романовых, – считает, они были уничтожены в урочище Ганина Яма. Государство

думает иначе, как, кстати, и Зиновьев, – зря, что ли, делали экспертизы всех найденных здесь тел? Вряд ли могло быть столько совпадений. Но лично для Зиновьева другое было странно: на мемориале ему всегда становилось тоскливо, хотелось как можно скорее сесть в машину и вернуться в город. А из монастыря, напротив, не хотелось уходить никогда... Вот и теперь он обо всём позабыл, любуясь, как сверкают на вечернем солнце золотые луковки бревенчатого храма.

Надя с букетом свечей, пахнущих мёдом, и Никита, уже не такой смурной, как десять минут назад, нагнали Зиновьева, когда он уже почти что дошёл до памятника Николаю Второму.

– Я вот что думаю, – сказал Никита. – Может, мне в монастырь записаться, если я по конкурсу не пройду?

– Ха! – откликнулась Надя. – Сюда конкурс почище, чем в твою «вышку». Сколько тут монахов живёт, Олежка, не помнишь?

– Пятеро вроде бы. Или шестеро.

– И вообще, какой из тебя монах, Никита? Для этого надо как минимум верить в Бога.

– А может, я поверю... Аппетит приходит во время еды. Надо посмотреть, какие экзамены в семинарию сдают.

Сын тут же достал планшет из рюкзака, а Надя с молчаливым ужасом глянула на мужа: только этого нам ещё не хватало!

– Я вообще крещёный? – спросил Никита.

– Разумеется. Тебя владыка Викентий крестил, в домашней церкви.

– Ну супер. Только вот тут надо выучить целую кучу молитв, знать Священное Писание, иметь рекомендацию от духовника... У меня есть духовник?

– Никита, давай-ка для начала зайдём в храм и поставим свечи.

Зиновьев потоптался немного у входа в церковь, но потом всё-таки вошёл туда вслед за женой и сыном. Надя зажигала свечи у иконы седобородого старца с интеллигентным лицом, а Никита не отрываясь смотрел на сутулого монашка, сидевшего в углу с чётками в руках. Депутат ощутил холодный зуд в сердце, как будто к нему приложили кусок льда, и замахал руками, отгоняя морок.

Сон без сна

В ночь с субботы на воскресенье сон привиделся такой: Никита показывал родителям ведомость с итоговыми баллами, и у него было меньше двадцати из ста по всем предметам. Сын этому почему-то радовался и говорил, что вообще не видит смысла в высшем образовании и лучше он пойдёт в армию. Проснувшись, Зиновьев решил, что считать этот сон кошмаром определённо нельзя, хотя чувство некоторой обескураженности не оставляло его до обеда.

Монастырский квас, проведя ночь в холодильнике, стал ещё вкуснее – но, выпив кружку, депутат снова почувствовал ледяной зуд в груди слева. Надо бы показать врачу – завтра же позвонит Габинскому в кардиоцентр.

– Да это жара всё, – сказала Надя. – И ты совсем не отдыхаешь!

– А вчера мы что делали, интересно? В Коптяках?

– Ну это не совсем правильный отдых. По жаре тащились, выпивали, кальяны все эти...

Зиновьев кивнул, соглашаясь, но всё-таки целый день занимался делами: обзванивал знакомых, искал для Севы приёмную семью, написал по этому поводу пост в «Фейсбуке» (триста пятьдесят лайков и сто восемнадцать комментариев, из них полезных – пять). Уже перед самым

сном вспомнил, что так и не дочитал приговор, вынесенный Ивановой.

– Спать идёшь? – спросила Надя.

– Чуть позже...

– Ну как знаешь, – протянула Надя, и депутат уловил в её голосе разочарование. Тут же бросил недочитанные бумаги на пол и поспешил за женой в спальню. Они закрылись изнутри на ключ и включили музыку, хотя это была лишняя мера предосторожности: Никита в это время сидел у себя в комнате в наушниках, общаясь с Денисом. Рассказывал о том, как прикольно было бы пойти в монастырь. Денис в ответ сообщил, что завтра они с Вэном и девочками собираются ехать на озеро.

Никита постеснялся спросить, можно ли с ними. А потом подумал, что всё равно не решится раздеться перед всеми – он ведь не вчерашний Дима, поджарый, с мускулами...

Когда Зиновьев уходил из дома утром в понедельник, жена и сын ещё спали. Спускаясь в лифте, депутат, улыбаясь, думал о том, что сегодня ночью ему не снилось ровным счётом ничего. Водитель Юра тоже улыбался:

– Спасибо, Олег Сергеевич! Сева сказал, вы обещали ему помочь.

– Да я ничего пока не сделал. Но приёмную семью нашёл, нормальные люди. А как он учится, кстати, Сева этот?

– Я не интересовался, но вроде хорошист.

«Хорошист»! Зиновьев уж и забыл, когда слышал в последний раз это слово. Скажешь такое, и сразу будет ясно, сколько тебе лет, как ни молодись. Слова выдают вернее, чем морщины.

В приёмной толпились посетители, но кондиционер, к счастью, работал. Настя принесла депутату кофе и тол-

стенную папку на пружинках – уголовное дело. Двести девяносто страниц! Почти роман.

– Запиши меня на приём в кардиоцентр, – попросил Зиновьев. – И пусть там заходят, кто первый.

Он слушал посетителей, делал пометки в ежедневнике, звонил кому-то, просил о чём-то, но при этом постоянно косился на пружинную папку и еле дождался обеденного перерыва. Настя заказала депутату ланч из ближайшего ресторана, и он, прихлёбывая горячий суп, открыл наконец уголовное дело.

Учитель и наставник

Надя права, думал Зиновьев, мы живём в эпоху победившего мракобесия. Людям нужна вера, нужны идеалы, но где ими разжиться, если все кругом воруют и врут?

Мария Васильевна Иванова, мама Севы и Виктора (старший брат, который выгнал младшего из дома), жила на Уралмаше, на улице Победы. Работала на дому, лечила людей руками и травами. У неё были экстрасенсорные способности, она общалась с лесными духами – кое-кто всерьёз называл её «ведающая мать». Не была судима, не привлекалась, не проходила. Водила машину марки «хонда CRV» красного цвета.

Зиновьев снова поёжился – такая же машина была раньше у Нади, он совсем недавно подарил ей «инфинити».

Иванова много общалась с другими ясновидящими. Один из них, Щепкин, как-то раз познакомил Марию с высоким смуглым мужчиной по имени Аслан Байраков. Он был из Махачкалы.

– Мастер по скандинавским рунам, – сказал Щепкин с гордостью. А Мария подумала: странно это – где руны, где Махачкала? Но вслух сказала другое, стараясь быть приветливой:

– Я давно интересуюсь рунами. Сможете меня научить?

Аслан ответил, что, конечно, сможет, но не бесплатно. Лучше, если соберётся небольшая группка учеников, а заниматься можно будет в офисе у Щепкина или дома у Марии.

Байраков был общительный, но не со всеми – многим, вот Сева, например, казался неразговорчивым, скрытным. Мария предложила довести его на машине до дома, он согласился. По дороге рассказывал о себе.

Аслан приехал из Дагестана вместе с матерью, они с ней снимают половину дома на Эльмаше. С деньгами негусто. Он разочаровался и в исламе, и в христианстве именно потому, что боги этих религий не хотят дать человеку то, что ему необходимо в земной жизни.

– А что необходимо человеку? – спросила Мария, пока стояли на долгом светофоре.

– Богатство, – просто ответил Аслан. – Богам не должно быть все равно, как мы тут живем. Рассчитывать на счастье в загробном мире – это для слабых.

Первое занятие Аслан проводил в офисе Щепкина, на Краснофлотцев. В переговорной комнате. День недели была пятница. Мария привела с собой подруг, Юлю Стрихареву и Наташу Лунину, они тоже интересовались нетрадиционной медициной, гаданиями, астрологией. Наташа работала массажисткой в аквапарке «Лимпопо», умела делать энергетический массаж каналов. Аслан взял по тысяче рублей с каждой, ученицы сочли цену приемлемой.

Руны Байракова – деревянные круглые плашки, небольшие и аккуратные. На каждой нанесен свой знак: одни напоминают собой угловатые славянские буквы М, В, Х, Р, другие похожи, скорее, на схематические рисунки, иногда образуют нечто вроде орнамента. Учитель разложил плашки на офисном столе, показал, как читать

по ним прошлое и предсказывать будущее. Он особенно напирал на то, что «вот у Марии есть явные способности к нашему делу», это было приятно. Про Наташу сказал, что она медиум, а Юля никакой характеристики не получила и в конце концов отпала от группы. Может, и не поэтому.

Гадание по рунам чем-то напоминало расклад на картах Таро, который всегда можно толковать по-разному – карты, как известно, только указывают направление развития событий, а главное всё равно остаётся в ведении человека.

– А где вы этому научились? – спросила Юля, особа въедливая, любопытная.

Аслан сказал, что в наше время люди всему учатся в Интернете, вот и он посещает уже несколько лет один сайт, посвященный магии. У него есть там наставник, с которым Аслан советуется.

После первого урока Наташа и Юля ушли, не дожидаясь Марии, – собирались поехать в «Гринвич» на какую-то распродажу. А Мария спросила у Байракова – может, его опять подвезти до дома?

Аслан согласился. Они хорошо общались в машине, с ним было легко и спокойно. Попросил рассказать о себе, и Мария неожиданно разговорилась. О двух своих мужьях старалась вспоминать без обиды, гордилась сыном-спортсменом – Севе на днях исполнилось только одиннадцать, а его уже хотят включить в областную сборную. Старший сын Виктор живёт отдельно.

Перешли на «ты» – само получилось.

– Чем занимаешься в свободное время? – спросил Байраков. Мария сказала, что любит природу, часто ездит в лес на машине. Зимой просто гуляет там, дышит воздухом, а летом и осенью собирает травы, нужные для врачевания.

– Как в следующий раз поедешь, возьми меня с собой, – попросил Аслан. Мария к тому времени уже поняла, что готова сделать для Байракова даже больше, чем взять его с собой в лес или подвезти домой на машине. Он быстро стал ей каким-то очень важным, родным, но не в интимном смысле. Так она про Аслана не думала, с первой встречи представляла его своим учителем, наставником – может быть, даже Учителем и Наставником! Марии нравились прописные буквы, они придавали вес обычным словам.

Договорились поехать завтра же в сторону Палкина – была там у Марии любимая поляна.

Аслан настоял, что станет платить за каждую поездку триста рублей, «больше пока не могу, а там посмотрим». Личного транспорта у него не было, а учитель из Интернета давал Байракову каждый раз какие-то домашние задания, для выполнения которых требовалось выезжать за город. Мария чувствовала, что Аслан рассказывает ей как бы полуправду, но расспрашивать о подробностях стеснялась.

В субботу утром они договорились встретиться на углу Ильича и Победы, Байраков пришёл точно по времени, в руке у него был пакет из «Пятёрочки». Наверное, продукты купил домой, мелькнуло у Марии, но почему сейчас, ведь можно было на обратном пути? Аслан бросил пакет на заднее сиденье, она успела заметить, что там у него белый хлеб, мёд и какие-то булочки.

Поехали в Палкино знакомой с детства дорогой. Когда Мария была маленькой, мать снимала там два года подряд дачу – по соседству жили алкоголики, и один из них как-то раз шутки ради толкнул семилетнюю Машу в крапивные заросли. Столько лет прошло, а она помнит, как больно было...

Рассказала Аслану о том давнем случае, думала, что он посмеётся, но Учитель отреагировал остро:

– Алкоголики и наркоманы – лишний груз в нашем мире. От них надо последовательно избавляться.

Когда приехали в Палкино, Аслан предложил разделиться – ему нужно было выполнять свои задания без свидетелей. Мария смотрела, как он уходит в лес с пакетом из «Пятёрочки». Будет есть свои продукты в одиночестве? В этом и состоит задание?..

Аслан нагнулся и поднял с земли какой-то камень, а потом скрылся за деревьями.

– ... Олег Сергеевич, продолжаем приём? – Настя стояла в дверях с чашкой кофе.

Все куда-то уехали

Зиновьев закрыл дверь за домработницей Флюрой и выдавил из пакетика в миску кошачий корм, поморщившись от запаха.

– Как ты вообще это ешь? – спросил он у кота, но тот не удостоил хозяина ответом, обнюхал вонючую субстанцию и начал неторопливо уничтожать её.

На человеческий ужин были запеченная рыба и салат с авокадо. Никита сесть за стол отказался.

– Опять чипсов с колой наелся? – спросила Надя. Не злобно спросила, но всё-таки чуточку более нервно, чем следовало.

– Я просто не голоден, – отозвался сын. – Мы сегодня с Денисом идём на день рождения к одному мальчику, вы его не знаете. Рядом с площадью Пятого года живёт. Можете дать мне на подарок?

– Сколько? – Зиновьев потянулся за бумажником, но Надя остановила его:

– Ешь, пока не остыло. Сама дам.

Никита раз десять, не меньше, переодевался, пока не выбрал наконец самую подходящую для такого важного

визита футболку – чёрную, без всяких принтов. Чудовищно боялся проявить индивидуальность.

– Напиши, когда доберёшься, – сказала Надя. – Кстати, я ведь могу тебя подвезти! У нас сегодня женский клуб, я еду как раз в сторону площади.

– Не надо, мам. Мы сами, на автобусе.

Зиновьевы смотрели в окно, как Никита идёт к остановке. Походка у него была такая, что ни с кем не спутаешь: он слегка подпрыгивал при каждом шаге.

– Да... – вздохнула Надя. – Вот и вырос мальчик.

– Давно вырос! Давай уже отцепляй его от юбки.

– Ну да, надо бы. Я как психолог это хорошо понимаю, а как мать – не могу.

– А как филолог? – пошутил Зиновьев.

– Как филолог я давно протухла. Но могу вспомнить парочку литературных примеров, доказывающих последствия неправильного воспитания. Если хочешь.

– Не хочу. А ты серьёзно про женский клуб? Он именно сегодня?

Надя каждый месяц обязательно встречалась с подругами – дома, у каждой по очереди. Зиновьев, однажды вернувшись с работы раньше времени, застал самый финал таких посиделок у них в квартире – и вздрогнул, когда десяток женщин всех сортов и возрастов (самой молодой в компании было двадцать пять, самой зрелой – за семьдесят) хором сказали ему: «Здравствуйте!».

Этот клуб сложился сам по себе: психологи, преподаватели (одна была даже профессором), художницы, две артистки из кукольного театра, поэтесса и врач-психиатр объединились вначале из-за любви к чтению, а потом стали не только обсуждать освоенные новинки, но и ходить вместе в театры, на концерты, выставки. Они обменивались новостями, делились рецептами, приносили с собой на «заседания» одежду, которая «не подо-

шла», примеряли её, менялись, спорили о политике, помогали своим и чужим детям, пристраивали бездомных животных, собирали деньги на лечение знакомым: в общем, это был вариант того, чем занимался сам Зиновьев на депутатском посту. С поэтессой и психиатром Надя дружила ближе других, поэтому Зиновьев знал их по именам: Инга и Лена.

– Не совсем, – покраснела Надя. – Мы с Ингой договорились встретиться. Ты не против?

– А я должен быть против?

Зиновьеву вдруг показалось, что Надя темнит, недоговаривает. Но он был так уверен в жене, что тут же отогнал эту мысль:

– Передавай Инге привет. Но долго не гуляйте. А то мне скучно будет одному ждать Никиту после пьянки.

– Почему сразу «после пьянки»? – возмутилась Надя. От Зиновьева не ускользнуло, что возмущалась она с явным облегчением: не надо было продолжать тему вечерней встречи с подругой. – Никита алкоголем вообще не интересуется, у нас с ним был на эту тему серьёзный разговор.

Собралась она быстро, шагнула за порог, но тут же вернулась и показала себе язык в зеркало, как маленькая.

– А то пути не будет, – улыбнулась и приснула на себя духами из фиолетового флакончика: он стоял на полочке рядом с аккуратно сложенными перчатками и шарфиками. В прихожей долго ещё после этого пахло фиалками. И депутат недоумевал тоже долго: неужели Надя вернулась только для того, чтобы брызнуться духами? Ради Инги, что ли?

Он даже в уголовное дело не сразу смог вчитаться, хотя думал о нём целый день. И вот теперь перечитывал бессмысленно одну и ту же строку, но думал о другом: куда на самом деле поехала Надя?

Пришёл кот, зевнул во всю пасть и бесцеремонно повалился рядом с хозяином: Зиновьев в такие минуты чувствовал себя неодушевлённым греющим предметом. Кот покосился на него жёлтым глазом и нехотя замурылкал. Зиновьев так же нехотя почесал кота за ухом, а потом всё-таки заставил себя включиться в чтение – и перенёсся на поляну близ Палкина.

Середина лета

Аслан ушёл в лес, подобрав камень, за спиной у него висел рюкзак, в руке – пакет из «Пятёрочки». Мария смотрела ему вслед, пока он не скрылся за деревьями. Почувствовала вдруг, что её всё-таки тянет к нему по-женски. Надо было как-то отвлечься, но не уходить далеко от машины – Байраков ведь не сказал, когда именно вернётся. Сколько времени у него займут эти «задания».

Решила сосредоточиться на том, что любила и знала. Сейчас, в июле, самое время собирать пастушью сумку, фиалки, медвежье ухо... Вот и пижма уже цветёт – круглые жёлтые «таблетки» пижмы означают середину лета. Мария знала все приметы, связанные с растениями, от неё не могли укрыться ни одна травка, ни один цветок. Попусту их не губила, брала ровно столько, сколько нужно для лечения. Она любила природу сильнее, чем людей, которых нужно было врачевать, о срубленном дереве могла плакать горше, нежели об умершей знакомой, – такое устройство души.

– Устала ждать? – Аслан вырос за плечом незаметно, и Мария ойкнула от испуга. Ходил он бесшумно, как хищник. Пакет из «Пятёрочки» исчез, теперь Аслан держал в руках нож, лезвие которого было выпачкано чем-то жирным: как будто брусок масла пополам разрезали. Сам нож был необычный, с кованой ручкой. Мария сорвала лопух, протянула руку:

– Давай, я вытру.

– Тебе нельзя прикасаться к этому ножу, запомни.

Аккуратно протёр лопухом лезвие, спрятал нож в карман.

Мария не знала, что теперь сказать, к тому же её вдруг накрыло блудным мороком с новой силой. Отчаянно захотелось, чтобы этот сильный, умный, необыкновенный мужчина утратил бы вдруг всю свою сдержанность, чтобы сгрёб Марию в охапку и повалил бы на землю рядом с пижмой. Или можно в машине... Она вздохнула и даже, кажется, застонала вслух, потому что Аслан глянул удивлённо:

– Ты чего это?

– У тебя женщина есть? – спросила Мария.

– А, я понял... Нет у меня женщины, но есть жена. Я тебе обо всём расскажу, обещаю. Поехали.

Мария так разволновалась, что даже забыла пристегнуться. Аслан же выглядел очень спокойным, довольным. Отсчитал ей триста рублей за поездку, она попыталась отказаться, но Учитель сказал, что настаивает.

– Мне ещё и завтра надо будет съездить. В другое какое-нибудь место, сможешь?

Она смогла. Ездили за Аять, по Серовскому тракту, в район Мурзинки, по тракту на «Биатлон» в сторону Чусовского озера. Там очень красивая дорога – вся из петель-поворотов, трудная для водителя, но умиротворяющая для пассажира. Каждый раз Аслан брал с собой пакеты с едой, а в конце второй недели, когда снова пришла пятница, поставил на заднее сиденье что-то вроде коробки, завязанной тканью. Под тканью шевелилось, побрякивало. Мария побоялась спросить, что это, а потом нашла на сиденье белое пёрышко. И увидела на лезвии очередного ножа кровь с прилипшим пухом.

– Это для обряда, мне боги велели, – сказал Аслан, отследив её взгляд. – Я обещал тебе рассказать, ну вот,

рассказываю. С Дагестаном, как ты знаешь, меня теперь уже ничего не связывает. Я был женат, но брак расторгнут по причине бесплодия жены. Только мать была единственной причиной ещё как-то думать об этом гиблом месте. Но мать я перевёз два года назад, она теперь со мной. Познакомлю.

... Приехав в Екатеринбург, Аслан поначалу жил в изоляторе одного студенческого общежития, ключи ему дала Раиса, комендант. С этой Раисой он жил как мужчина с женщиной, все были довольны, но потом Байраков провёл особый ритуал и женился на языческой богине Маре, после чего любые половые отношения в этом мире для него оказались под запретом. «Коменде»-Раисе такое решение богини Мары не понравилось, и Аслану пришлось вернуть ключи от изолятора. Сейчас он снимает дом в Среднеуральске, в оплату входят электроэнергия и кормёжка собаки. Мать, которую он перевез из Махачкалы, сидит целыми днями дома. Неудобно, что далеко от города, и много денег уходит на такси.

Мария уяснила из этого рассказа главное: Аслан не будет сгребать её в охапку и бросать в пижму. Ну что ж... Сражаться с богиней Марой она бы точно не решилась, ей даже стыдно стало за свои распутные мысли. Байраков будет ей во много раз полезнее как Наставник. И она уже столькому от него научилась! Как-то увереннее себя чувствовала, появился смысл жизни. Надо бы постараться стать для Аслана действительно незаменимой.

– Если хочешь, переезжай к нам. У нас с Севой есть свободная комната, – сказала Мария, желая отплатить доверием за доверие.

Аслан перебрался к ним уже на следующий день. Сказал, что это временно и ненадолго. Вещей перевёз немного: кроме одежды это были ноутбук, десятка два гладких камней, пирамида, деревянный кол, подсвечник,

книги «Магический кристалл», «Старшая Эдда» и ещё какие-то, Мария не успела рассмотреть. В комнату, которую она для него подготовила, Аслан просил не входить. По вечерам жилец долго сидел в Интернете, общался со своим наставником по язычеству и чёрной магии. Только раз он объяснил Марии, что они обсуждают.

– Чтобы был результат, – сказал он как-то Марии, – надо приносить жертвы и светлым, и тёмным богам. С каждым ритуалом я выхожу на более высокий уровень, но это всё сложнее и сложнее.

Сева отнёсся к появлению жильца без восторга, но в целом спокойно. Спросил однажды мать:

– Ты замуж за него хочешь выйти?

Мария пожала плечами, это можно было толковать как угодно. Аслан почти не обращал на сына внимания, вёл себя с ним как вежливый сосед. Севин тренер в то самое время как раз начал хлопотать, чтобы мальчика взяли в Москву, в спортивный интернат, он постоянно звонил Марии, требовал от неё большего участия в делах сына. Но Мария в то время не могла заниматься ничем другим, кроме как делами Байракова: он её как будто околдовал, жизнь сконцентрировалось на нём и поездках в лес, всё более и более странных. На заднем сиденье под покрывалом квохтали курицы, блеяли ягнята, ещё какая-то живность. «Только бы не кошки и собаки», – думала Мария. Платить за выезды Аслан перестал, но иногда давал деньги «на бензин». За квартиру он тоже не платил, но периодически приносил какие-то продукты. Занятия рунами продолжились теперь уже в их общем доме: к Наташе и Юле, которая тогда ещё не отпала, добавился Павел, краснолицый молодой человек, называвший себя «шизотимиком».

Пока Мария лечила у себя дома больных (у неё всегда была полная запись), Байраков отсутствовал. Она считала,

что в это время Аслан навещает мать, оставшуюся вдвоём с чужой собакой на Эльмаше. А потом совершенно случайно выяснилось, что Байраков встречается с Наташей Луниной, живёт с ней так, как не понравилось бы богине Маре, и Наташа даже подарила ему свою машину, «фольксваген поло» серебристого цвета, госномер Уоо9КР. Переписала и дала ключи.

Первой реакцией Марии была не обида, не ревность, а страх, что теперь Аслан будет ездить в лес не с ней, а с Наташей. Но поскольку сам он ничего об этом не рассказывал, а про машину она узнала от Луниной, то сочла за лучшее смолчать. Наташкиного «фольксвагена» она ни разу так и не увидела – может, Байраков продал его, может, распорядился как-то иначе, но обряды проводил всегда и только с помощью Марии. Она этим гордилась.

Как-то раз к ней пришла тяжелобольная женщина, которую травы исцелить не могли. Аслан в тот день оказался дома, услышал, как Мария утешает пациентку и её дочь, и предложил съездить всем вместе на Ширококоренское кладбище, чтобы «отсечь болезнь»:

– Это очень действенный языческий обряд. Если он не поможет, то ничто не поможет.

Пациентка была уже в таком состоянии, что согласилась бы и не на такое.

На другой день они поехали вчетвером на кладбище: Мария и Байраков – впереди, пациентка и её дочь – на заднем сиденье, а белые куры (Мария увидела их впервые в жизни) – в багажнике.

Очень долго шли по дорожкам кладбища, удаляясь от центральной аллеи. Пациентка тревожилась, дочь её тоже сомневалась, и Аслан сердито стал говорить им, что если они так настроены, то нет смысла всё это проводить. Богиня Мара обязательно поможет, пусть они просто доверятся.

На выбранной могиле Аслан перерезал ножом с кованой ручкой горло курице, и пациентка на время потеряла сознание. Дочь держалась молодцом, вытерпела ритуал до конца. После всего Байраков закопал курицу в землю рядом с небольшим кустом багульника (Мария машинально отметила, что он уже цветёт – раньше срока) и ушёл куда-то с оставшейся в живых курицей. Женщины ждали его на лавочке у богатого надгробия какого-то цыгана. Вернулся Аслан без курицы, достал из рюкзака несколько фотографий и быстро закопал их в соседние могилы: даже не закопал, а положил под цветы и венки.

До города ехали молча. Ни пациентка, ни её дочь на связь с Марией после этого случая не выходили. Помогло или нет, неизвестно.

– ...Ты что в темноте сидишь? – Надя называла темнотой всё, что не освещалось тремя светильниками одновременно. Депутату вполне хватало торшера, а вот времени дочитать историю не хватало решительно.

– Никита не вернулся ещё?

– Нет и даже не звонил. А тебе?

– Написал, что всё нормально и будет поздно. Ты как хочешь, а я буду ждать.

– И я буду. А как там Инга?

– Инга? – удивилась Надя. – А, ну да, Инга... Она в порядке. Я просто о Никите вдруг задумалась...

Сын вернулся домой в два часа, от него пахло пивом и сигаретами, но в меру. Зиновьев ворочался с боку на бок дольше обычного, хотя жары такой свирепой этой ночью уже не было.

Шестая жертва

На сей раз Зиновьев не ехал в поезде, а опаздывал сесть в него. Вагоны летели в лоб, как в кино – лишь

в последний миг уносились в сторону, и депутата обдавало неподражаемым ароматом креозота.

В конце концов он всё-таки прыгнул в последний вагон, но, уже стоя на площадке, увидел, что оставил на перроне что-то важное, такое, без чего не прожить... Пригляделся – а это его правая рука безболезненно отделилась от тела и лежала теперь на платформе. Пришлось срочно прыгать с поезда, да ещё и соображать лихорадочно, кто сможет пришить ему отпавшую руку в чужом городе, ничем не напоминающем не только Екатеринбург, но даже Вентспилс...

Очнулся депутат от собственного всхлипа. В спальне было тихо, кот, вытянувшись по всей длине, лежал между Зиновьевым и Надей поверх одеяла, как оживший меч Тристана.

Стараясь не топтать, депутат перешёл уже привычным маршрутом в гостиную, а за ним, недовольно жмурясь, притащился кот.

Новенькому вторнику исполнилось каких-то четыре часа, но Зиновьев чувствовал себя таким уставшим, будто он уже закончился.

К девяти надо быть у Габинского, в кардиоцентре, потом – заседание в комитете, после – уже три раза перенесённая встреча с человеком, которому депутат был кое-чем обязан. Если не поспать хотя бы пару часов, то, скорее всего, развалится на части ещё до обеда...

Зиновьев поворочался на диване, с завистью глядя на давно уснувшего кота, свернувшегося мохнатой плюшкой в ногах, а потом всё-таки сходил в свой кабинет за уголовным делом.

...В комнату Учителя Мария старалась не заходить даже в его отсутствие – знала, что Аслану это не нравится. Но прибираться-то нужно было там, хотя бы раз в неделю пройтись с пылесосом! Мария была опрятной, любой

шкаф открой – стыдно не будет. Байраков тоже не производил впечатления неряхи, но мужчина есть мужчина.

Спустя неделю после поездки на Широкореченское кладбище Аслан отправился к матери на Эльмаш с ночёвкой, и Мария подумала, что не будет ничего плохого, если она по-быстренькому наведёт в его комнате порядок.

Открыла дверь нерешительно, будто не у себя дома. Кровать – заправлена, носков на полу не видеть, книги аккуратной стопкой на столе. И компьютер! У Байракова было два ноутбука, один он всегда носил с собой, а второй – побольше – оставлял дома.

Мария поставила на пол пылесос и открыла ноутбук, а там даже пароля не было: заходи хоть в почту, хоть в соцсети... Стало стыдно – Учитель ей доверяет, а она шарится в его вещах, лезет в переписку! Закрыла ноутбук и снова схватилась за пылесос – минут двадцать исступлённо чистила комнату, после чего всё равно не удержалась и села перед монитором, прикусив от волнения кожу на руке, как привыкла делать с детства.

Аслан вёл активную переписку с неким B-kold – судя по всему, это и был тот самый наставник с сайта о чёрной магии. Жил он где-то на Украине. Или в Украине, в данном случае неважно.

В письме от вчерашнего дня (отправлено в 01:15) Байраков писал наставнику, что получил знак от богов – теперь он точно знает, что для духовного развития уровня ему необходимо принести шестую жертву.

«Помните наш разговор по жертвенной иерархии? Там позиция шесть – это лучшая жертва. Так вот, боги сказали, что это с козлом так, а с той жертвой будет ещё хлеще.

Было предложение от богов – отдать или посвятить половину за возможные в будущем долги, а остальную половину – за определённое дело. Только ещё не могу решить, одному богу посвятить, Тёмным-Светлым или

Всебожие провести? Я тут столкнулся с вопросом по жертве – Тёмные заочно согласны, а вот Светлых не всё устраивает. Приходится подбирать кандидатуру, вроде уже есть претенденты на олимп.)) Мошенники, молодые – им двадцать пять – двадцать семь лет, но богам они не нравятся. Одно могу сказать, боги уже ждут от меня этой жертвы».

Судя по всему, B-kold на это письмо не ответил, тогда Аслан отправил ещё одно:

«Уважаемый B-kold, обрядовая часть та же, что и с козлом? Я спросил у богов, какая самая качественная из жертв, они говорят: тринадцать-пятнадцать лет и тоже Всебожие. В ночь с шестого на седьмое планирую принести шестую позицию. В ночь Силы – думаю, хорошо и от души ляжет.

На основном форуме вы выкладывали обряд по работе с костями. Можно ли после принесения шестой жертвы богам через какое-то время вытащить и поработать на этих костях? Как правильно жертвовать шестую, конкретному богу, как обычную требу: призвал – попросил принять за какой-то вопрос – пожертвовал – поблагодарил? Или всё же есть нюансы, которые нужно соблюдать?».

В ответном письме Наставник попросил вначале провести оплату услуг через «Яндекс.Деньги», а потом уже задавать вопросы. Мария вспомнила, что вчера утром Байраков попросил её кинуть ему на карту пару тысяч – кредит закрыть. Вот это был, значит, какой кредит! И если она правильно поняла, что такое шестая жертва, то...

Мария вдруг почувствовала, как в разных частях её тела начали пульсировать и вспыхивать маленькие очаги боли – будто бы кто-то прижигал её спичками изнутри. Затылок, плечи, запястья, желудок, пальцы ног – к какому врачу бежать? Особенно если ты давным-давно не веришь никаким врачам вообще?

Она еле-еле доползла до своей кровати, упала и проспала до вечера. Слава богу, что это случилось в её выходной и больных в тот день не было.

Проснувшись Мария совершенно здоровой, только голова слегка кружилась. А Байраков вернулся наутро и никаких следов интервенции вроде бы не заметил. С собой он принёс большой пакет из строительного магазина – оттуда торчал черенок лопаты...